

Уважаемые читатели! Вы наверняка заметили, что я стал реже публиковать новые статьи, тем более комментировать разовые события, происходящие в России. Но, как я уже упоминал, моя новая работа посвящена самому страшному разрушителю России – религии.

Предполагаемая книга огромна по объему и уже разрастается на 3 тома. Чтобы сайт продолжал жить, я решил время от времени публиковать некоторые главки, превращая их в статьи, естественно, убрав весь научный аппарат.

Настоящая – о Ницше.

Я – Заратустра, безбожник: разбейте старые скрижали!

«Так говорил Заратустра», пожалуй, самое известное произведение Ницше, в котором он отчетливо изложил учение о сверхчеловеке, а также причины, по которым к такому типу человека надо стремиться. Когда я прочитал эту книгу в молодые годы, она мне не понравилась, несмотря на ее явную антирелигиозность. Думаю, что дело было не только в стиле (притчевый слог), но и в какой-то разбросанности мыслей, в не структурированности текста. Казалось, что книгу писал какой-то шизоид в экстазе. (В то время я не знал, что он умер от безумия.) Философские работы, как мне казалось, так не пишут. Видимо, не удовлетворяло и содержание. Хотя тогда я не мог дать себе отчета, почему появилось раздражение от текста, но подспудно чувствовал, что многие атаки Ницше направлены и против меня, против того самого «сброда», частью которого я являлся. Предполагаю, что именно поэтому автор был запрещен в СССР в 1923 г., то есть в первый год образования Советского Союза, где огромная масса народа как раз и была тем самым «сбродом», о котором писал Ницше. Трактат был *очевидно* направлен против «народа», который в соответствии с советской идеологией «творит историю».

Ныне у меня другое представление о Ницше и его работах. Кажется, только теперь я догадываюсь даже о причине его сумасшествия. Когда живешь в окружении совершенно неменяемых людей, окутанных религиозным дурманом,

где не только их «мысли», но и поведение соответствуют библейским сказаниям, поневоле сам становишься или таким же, как они, или сходишь с ума, в попытках понять непонимаемое. Я знаю современную страну, в которой очень легко повторить судьбу Ницше.

Так вот его «Заратустра» – это именно реакция на безумие, которое в его представлениях царствовало в Германии второй половины XIX в. Смысл учения о сверхчеловеке – это отказ от всех ценностей, которые укоренились в мире и которые привели мир в состояние деградации. И в «Заратустре» шаг за шагом автор показывает, от каких скрижалей надо отказываться. Прежде всего от скрижалей, утвержденных церковью, христианством. Неслучайно Заратустра много раз повторяет: «Я – Заратустра, безбожник». И почему-то у многих все же сохраняется сомнение, атеист ли Ницше? Чтобы возникали такие сомнения, надо быть именно таким, против которых и выступает его Заратустра. Для таких очевидные факты не являются доказательствами. Им обязательно нужна некая мистика, игра духа.

Мне не нравится притчевый язык, но я понимаю, почему Ницше к нему обратился. Его Заратустра выступил против Библии именно на языке Библии, решив уничтожить Библию ее же оружием. Возможно, он имел в виду и психологию читателей, для которых язык притч, поэтического пафоса и языковых нюансов, чем, кстати, знаменита Библия, был более привлекательным, чем сухой язык философа. И опять же, видимо, неслучайно у немецких солдат Первой мировой войны в ранце оказывались и Библия, и «Заратустра».

Приглашаю читателя еще раз пройти по его «Заратустре»¹, чтобы еще раз критически проанализировать, против чего выступал Ницше устами своего героя, какие скрижалы следует отбросить, чтобы достичь планки сверхчеловека.

* * *

¹ На русском есть два перевода этой работы. Я буду пользоваться переводом Ю.М. Антоновского 1911 г. с небольшими поправками К.А. Свасьяна. Там же, где мне самому пришлось вторгаться в перевод, будет указан и оригинал с немецкого языка.

Итак, «Заратустра» – учение о сверхчеловеке, где герой провозглашает то, что есть «смысл земли».

Сразу же следует отметить, что Ницше не удосуживается объяснять смысл сказанного, причину требуемого. В этом есть определенная логика: он этим как бы утверждает: сказанное – не философский текст, не научный трактат, тут ничего не надо доказывать. Он *знает* и *утверждает*. Таков и стиль Библии. Логические противоречия его также не волнуют, как они не волновали и составителей Библии. Усматривать противоречия – это уже рассуждения. Здесь не надо рассуждать, здесь надо внимать и запоминать: «Кто пишет кровью и притчами, тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали наизусть».

Вот, например, абсурд с точки зрения логики, но не с точки зрения принятого стиля. В одном из речений Заратустра утверждает: «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он – переход и гибель».

Ницше как бы игнорирует, что «сверхчеловек» – тоже «человек», а если человек это мост, тогда и сверхчеловек – тоже *сверхмост*, а не цель. Стратегическая цель в книге не определена. Куда стремиться – не понятно. Понятно лишь то, что все нынешнее цели и ценности надо переосмыслить, т.е. разбить старые скрижали.

Кто такой Заратустра?

Заратустра – мессия, кто чувствует в себе силы, подобные Богу, поскольку он сам создал Бога из себя (человеческое творение), превратившегося в призрак, и от которого настала пора отказаться. То есть вновь воплотиться в тело, которое и есть большой разум. Только с телом ты приобретаешь себя, приобретаешь свою Самость.

И какой же должна быть эта Самость? Она должна проявиться в духе «ресентимента» (*das Ressentiment*), т.е. пока еще в качестве досверхчеловека, сотканного из благородной злобы и справедливого негодования. Портрет его таков:

О братья мои, разве я жесток? Но я говорю: что падает, то нужно еще толкнуть!

Все, что от сегодня, – падает и распадается; кто захотел бы удержать его! Но я – я *хочу* еще толкнуть его!

Знакомо ли вам наслаждение скатывать камни в отвесную глубину? – Эти нынешние люди: смотрите же на них, как они скатываются в мои глубины!

Я только прелюдия для лучших игроков, о братья мои! Пример! *Делайте* по моему примеру!

И кого вы не научите летать, того научите – *быстрее падать* !

Но чтобы уметь толкать и скатывать камни на пути к достижению статуса сверхчеловека, надо научиться вести войну, *научиться стать борцом*. Заратустра глаголет:

Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победою!

И вот, почти в духе Иисуса:

Любите мир как средство к новым войнам. И притом короткий мир – больше, чем долгий.

Если кто-то возмутится, вспомните Иисуса: не мир я принес вам, а меч! К чему такая воинственность? Есть причина. Она направлена против безвольных филистеров, кто кроме стенаний и бурчаний не способен на дела, кто постоянно бубнит о мире и любви, когда зло утверждается именно деяниями. И Заратустра совершенно справедливо утверждает:

Война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему. Не ваша жалость, а ваша храбрость спасала доселе несчастных.

Таковыми воинственными призывами Ницше устами Заратустры пытался разбудить обывателя, филистера, встряхнуть его и оторвать от сонной будничной жизни. Его воинственные стрелы были направлены именно против филистеров буржуазного

замеса и госчиновников, которые, как ему казалось, скукожились под напором нарастающих атак со стороны рабочих. Вот что говорит Заратустра о «нашей раззолоченной, лживой, нарумяненной черни, – хотя бы она и называла себя «хорошим обществом», – хотя бы она и называла себя «аристократией»:

Но в ней все лживо и гнило, начиная с крови, благодаря застарелым дурным болезням и еще более дурным исцелителям. Я предпочитаю ей во всех смыслах здорового крестьянина – грубого, хитрого, упрямого и выносливого: сегодня это самый благородный тип.

Что именно против «аристократии» были направлены его стрелы, свидетельствуют его рассуждения и о государстве. Оно, дескать, мнит из себя народ («Я, государство, емь народ»). Но какой это народ? Это – ложь.

Вот в каких словах описывает Заратустра этот «народ/государство»:

Посмотрите же на этих лишних людей! Богатства приобретают они и делаются от этого беднее. Власти хотят они, и прежде всего рычага власти, много денег, – эти немощные!

Посмотрите, как лезут они, эти проворные обезьяны! Они лезут друг на друга и потому срываются в грязь и в пропасть.

Все они хотят достичь трона: безумие их в том – будто счастье восседало бы на троне! Часто грязь восседает на троне – а часто и трон на грязи.

По-моему, все они безумцы, карабкающиеся обезьяны и находящиеся в бреду. По-моему, дурным запахом несет от их кумира, холодного чудовища; по-моему, дурным запахом несет от всех этих служителей кумира.

Красочно описанные государственные чиновники как раз и олицетворяли государство, которое есть «чудище». Атака на это чудище – типичнейший анархизм, который был весьма популярен в Европе во второй половине XIX в. Фраза: «Там, где кончается государство, и начинается человек», вполне могла принадлежать М. Бакунину. Но у Ницше конец государства ведет к сверхчеловеку. На самом деле конец государства означает начало коммунизма, о чем Ницше явно не догадывался. Это говорит о том, что он не был знаком с коммунистической литературой того времени.

Маленькие люди

Предполагаю, что причиной, которая отвращала его от этой литературы, заключалась в том, что она, эта литература, защищала или отражала низы общества, так сказать, интересы *народа*, который мало что понимает. Такой народ не поймет истинных ценностей, не поймет *творящих* и *изобретающих*, а всегда предпочтет всяческих актеров, комедиантов и фигляров, воздавая им всенародную любовь и утверждая незаслуженную славу. От них, этих «базарных мух», советует Заратустра, надо держаться как можно дальше:

Беги в свое уединение! Ты жил слишком близко к маленьким, жалким людям. Беги от их невидимого мщения! В отношении тебя они только мщение.

Этих маленьких, мягкошерстных, доброхотных, серых и жалких людей надо остерегаться:

Даже когда ты снисходителен к ним, они все-таки чувствуют, что ты презираешь их; и они возвращают тебе твое благодеяние скрытыми злодеяниями.

Особенно остерегаться нужно ближних «ядовитых мух». Они опаснее.

Ты стал выше их; но чем выше ты поднимаешься, тем меньшим кажешься ты в глазах зависти. Но больше всех ненавидят того, кто летает.

Но надо иметь в виду, что они бесчисленны и в то же время ничтожны:

Не поднимай руки против них! ... не твое назначение быть махалкой от мух.

Так говорил Заратустра.

Ортодоксальные марксисты иначе понимают понятие *народ*, превратив абстрактный термин в конкретный. Для Ницше конкретность народа выступала в виде «маленьких людей», которые с удовольствием глазели, как сжигали на

кострах ученых и колдунов, визжали от восторга перед выкрутасами любого комедианта и в безумном угаре молились в церквях своим мифическим богам. Эти «маленькие» радовались казням всех, кто «не как все». У Ницше абстрактный народ превращался в конкретную толпу, а последняя, рассованная по своим жилищам, становилась зловонием маленьких и злостных людишек. Именно от таких Заратустра/Ницше и советовал держаться подальше.

Тема маленьких людей Ницше, видимо, не давала покоя всю его жизнь. Даже в своих бесчисленных записках, из которых позже была составлена книга «Воля к власти», он выносит такой вердикт обывателям: «*Нравственное сознание маленьких людей* как мера всех вещей – это самое отвратительное вырождение из всех, какие до сей поры являла культура. И такого рода идеал продолжает висеть над человечеством!»

Трижды верно! Проблема лишь в том, как изменить *такое* нравственно сознание. Исторический опыт показывает, что морализирование, увещевание не срабатывают. Только *власть* государства, кардинально отличающаяся от той, при которой жил Ницше, в состоянии решить эту проблему.

Тихенькие и скромненькие

На протяжении всей своей поэмы (именно так называл он «Заратустру») Ницше не устаёт уточнять и разоблачать психологию этих маленьких людей, постоянно мельчающих, которые берут в свое оправдание «учение о счастье и добродетели». Ницше пишет:

Они ведь и в добродетели скромны,– ибо они ищут довольства. А с довольством может мириться только скромная добродетель. ...Правда, и они учатся шагать по-своему и шагать вперед; но я называю это *ковылянием*. – И этим мешают они всякому, кто спешит.

Ницше описывает филистеров так же, как когда-то это делал и Гейне, полагая, что именно обыватель является главным врагом, главным тормозом развития государства и прогресса человечества. Заратустра утверждает:

Качества мужа здесь редки; поэтому их женщины становятся мужчинами. Ибо только тот, кто достаточно мужчина, освободит в женщине – женщину.

Так говорил Заратустра о Германии. Сейчас, в современном мире эта тема межполого существования стала угрожающей: мужчины отказываются быть мужчинами, женщины становятся мужчинами. Мужчины потеряли способность не только защищать женщин, но даже управлять государством, вынуждая заниматься женщинам не своим делом, (которых, правда, уже не отличить от мужчин). «Оно» становится не только модой, но нормой.

Во времена же Ницше такими их делали «проповедники смирения», церковники.

Всюду, где есть слабость, болезнь и струпья, они ползают, как вши; и только мое отвращение мешает мне давить их.

Заратустра – другой:

Ибо легче мне переносить шум, и гром, и проклятие непогоды, чем это осторожное, нерешительное кошачье спокойствие; и даже среди людей ненавижу я всего больше всех тихонько ступающих, половинчатых и неопределенных, нерешительных, медлительных, как ползущие облака.

Но именно они в государстве, они правят:

Ибо теперь маленькие люди стали господами: они все проповедуют покорность, скромность, благоразумие, старание, осторожность и нескончаемое «и так далее» маленьких добродетелей. ... Все женское, все рабское, и особенно вся чернь: это хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы – о отвращение! отвращение! отвращение!

Такое ощущение, что речь идет о нынешней Еслибляндии.

Этот мир людей состоит из *вседовольных* и *дармоедов*. Вседовольные –

у кого всякая вещь называется хорошей и этот мир даже наилучшим из миров. Их называю я вседовольными.

Заратустра презирует их:

Вседовольство, умеющее находить все вкусным, – это не лучший вкус! Я уважаю упрямые, разборчивые языки и желудки, которые научились говорить «я», «да» и «нет». ...Но все жевать и переваривать – это настоящая порода свиньи! Постоянно говорить И-А – этому научился только осел и кто брат ему по духу!

Но противнее всех ему дармоеды – это паразиты. Заратустра определяет этот тип так:

Паразит – это червь, пресмыкающийся и гибкий, желающий разжиреть в больных, израненных уголках вашего сердца.

И в том его искусство, что в восходящих душах он угадывает, где они утомлены; в вашей горе и недовольстве, в вашей нежной стыдливости строит он свое отвратительное гнездо.

Где сильный бывает слаб, а благородный слишком кроток, – там строит он свое отвратительное гнездо: паразит живет там, где у великого есть израненные уголки в сердце.

Какой род всего сущего самый высший и какой самый низший? Паразит – самый низший род; но кто высшего рода, тот кормит наибольшее число паразитов.

Трудно возразить суждениям Заратустры, которые подтверждаются и сегодня. Рой дармоедов вьется как раз вокруг «сверхчеловека», за счет которого и живут паразиты.

О добрых людях

Есть еще одна категория людей, которых клеймит Заратустра. Это так называемые добрые люди, которых он называл «ядовитыми мухами»:

Кто живет среди добрых, того учит сострадание лгать. Сострадание делает душливым воздух для всех свободных душ. Ибо глупость добрых неисповедима.

Она заключается и в том, что добрые «никогда не говорят правды», боясь, что она может обидеть. Они верещат:

«Ты не должен грабить! Ты не должен убивать!» – такие слова назывались некогда священными; перед ними преклоняли колена и головы, и к ним подходили, разувшись. Но я спрашиваю вас: когда на свете было больше разбойников и убийц, как не тогда, когда эти слова были особенно священны?

Заратустра заключает:

И какой бы вред ни нанесли злые, – вред добрых – самый вредный вред!

Но они вредны и по другой причине:

Эти «ядовитые мухи» ненавидят Созидающего больше всего. Разрушителя своих скрижалей они объявляют преступником.

Ибо добрые – *не могут* созидать: они всегда начало конца –

– они распинают того, кто пишет новые ценности на новых скрижалях, они приносят *себе* в жертву будущее, – они распинают все человеческое будущее!

Добрые – были всегда началом конца.

Эти «добрые» все из тех же филистеров, обывателей, того самого болота, которое, если не осушить, засосет любую светлую голову, любого, кто «не-как-они», любого, кто «не-дай-бог» всяческих войн и революций. Хотя о последнем Заратустра и не сказал ни слова, но сказал возвышенно о «землетрясении». Мне показалось, что он говорил именно о революции. Судите сами:

Ибо землетрясение – засыпает много колодцев и создает много томящихся жаждою; но оно же вызывает на свет внутренние силы и тайны. Землетрясение открывает новые родники. При сотрясении старых народов вырываются новые родники.

Понятно, что «добрые люди» устами своих идеологов определяют все эти

землетрясения и революции лишь как стремление к властолюбию и себялюбию. Но именно в этом Заратустра находит цельность и здоровье тела-разума. Если себялюбие выражается в разрушении старых скрижалей, то вперед себялюбие – проявляйся и выражайся. Для такого себялюбца как раз отвратительны те,

кто никогда не хочет защищаться, кто проглатывает ядовитые плевки и злобные взгляды, кто слишком терпелив, кто все переносит и всем доволен: ибо таковы повадки раба. Раболепствует ли кто пред богами и стопами их, пред людьми и глупыми мнениями их: на *все* рабское плюет оно, это блаженное себялюбие!

Суета сует и созидание

Говорят, когда-то мудрый Соломон сказал фразу, что все – суета сует. Заратустра ее отразил таким образом:

К чему жить? Все – суета! Жить – это молотить солому; жить – это сжигать себя и все-таки не согреться.

И это, иронизирует Заратустра, называется мудростью? Мудрость, достойная перемудрившую глупость жрецов, или детей. И это тоже из идеологии филистеров. Коль все суета сует, то стоит ли дергаться? Но задумайтесь:

Предоставь миру быть миром! Не поднимай против него даже мизинца!

Пусть, кто хочет, душил и колет людей и сдирает с них кожу – не поднимай против него даже мизинца! Так научатся они отречься от мира.

А свой собственный разум – ты должен сам задушить его: ибо это разум мира сего, – так научишься ты сам отречься от мира».

– Разбейте, разбейте, о братья мои, эти старые скрижали благочестивых! Развейте слова клеветников на мир!

Им приятно слышать, когда проповедуют: «Ничто не вознаграждается! Вы не должны желать!» Но ведь это проповедь, призывающая к рабству.

«Хотеть» освобождает: ибо хотеть значит созидать, – *так* учу я. И *только* для созидания должны вы учиться!

И опять же, трудно не согласиться с Заратустрой. Жизнь имеет смысл, когда ты созидашь. А созидающий – тот «кто создает цель для человека и дает земле ее смысл и ее будущее». И Ницше в этой связи действительно выбрал прекрасную поэтическую аллегория для утверждения смысла жизни человека: когда закатывается солнце, богатейшее светило, золото сыплет оно в море из неистощимых сокровищниц своих... «Подобно солнцу хочет закатиться и Заратустра», оставляя после себя «золото» в виде сверхчеловека. Смысл жизни человека, как у солнца, закатываясь, умирая, оставить после себя что-то, чтобы через это что-то вновь воскреснуть в человечестве. А это не суета сует и не молох.

«Нагорная проповедь» от Заратустры

Здесь я не стал акцентировать атаки Ницше на христианство, на сюжетах, связанных с Христом. Но все-таки я не мог пройти мимо сюжета, пародирующего Нагорную проповедь из Евангелия. В «Заратустре» он связан с нищим, который проповедовал коровам «саму доброту», сидя на горе. Любопытно, почему он там оказался. Когда Заратустра спросил его об этом, нищий разверзся:

К чему испытываешь ты меня? – отвечал он. – Ты сам знаешь это лучше меня. Что же гнало меня к самым бедным, о Заратустра? разве не отвращение к нашим богачам?

– к каторжникам богатства, извлекающим выгоды свои из всякого мусора, с холодными глазами и похотливыми мыслями, к этому отребью, от которого подымается к небу зловоние,

– к этой раззолоченной, лживой черни, предки которой были воришками, или стервятниками, или тряпичниками, падкими до женщин, похотливыми и забывчивыми: ибо все они недалеко ушли от блудницы –

Чернь сверху, чернь снизу! Что значит сегодня «бедный» и «богатый»? Эту разницу забыл я, – и бежал я все дальше и дальше, пока я не пришел к этим коровам.

Бедняга явно повторял путь мифического Иисуса, решив излить свои переживания коровам, которые тихо и мирно паслись на горе. Коровы внимательно прислушивались к его рассказу, ни разу не прервав его своим мычанием, правда, при этом не переставая жевать сочную траву. Нищий, тем не менее, собирался от них услышать что-то мудрое о счастье, которое он искал на земле. Но даже не услышав от них ответа, – исповедь коровам была прервана появлением Заратустры – он уже сам сделал свои выводы:

И поистине, если бы человек приобрел целый мир и не научился одному – пережевыванию: какая польза была бы ему! Он не избавился бы от скорби своей...

Похотливая алчность, желчная зависть, подавленная мстительность, надмевание черни – все это бросилось мне в глаза. Уже не верно, что нищие блаженны. Но Царство Небесное у коров.

Тем более, заключает Нагорный проповедник, эти коровы «изобрели пережевывание и лежание на солнце. И они воздерживаются от всяких тяжелых мыслей, от которых пучит сердце».

Думаю, что эти рассуждения о коровах списаны из мудрых текстов индуистов или буддистов. А если нет, то очень порадовали бы многих индийцев, у которых эти коровы в «царстве небесном» находятся уже сейчас. Полагаю, что и для нынешних христиан это царство не так далеко, имея в виду, что они довольно успешно освобождают себя не только от «тяжких мыслей», но и совсем легких, а некоторые умудряются вообще освободить себя от любых мыслей.

Что такое сверхчеловек?

Ницше нигде не дает определение сверхчеловека. Но оно красной нитью проходит через все его повествование.

В начале говорилось, что человек есть мост, а не цель; что он радуется своему полдню и вечеру как пути, ведущему к новым утренним зорям, т.е. сверхчеловеку. Некоторые исследователи полагают, что сам термин был заимствован из «Фауста» Гёте.

О «мосте» уже было сказано выше. Здесь о другом. Прежде всего, сверхчеловек – это не чернь и не отребье¹. Откровенно об этом так:

Жизнь есть родник радости; но всюду, где пьет отребье, все родники бывают отравлены. Все чистое люблю я; но я не могу видеть морд с оскаленными зубами и жажду нечистых.

Но сверхчеловек и не из толпы:

кто из толпы, тот хочет жить даром; мы же другие, кому дана жизнь, – мы постоянно размышляем, *что* могли бы мы дать лучшего *в обмен* за нее!

Толпа же не размышляет, она не знает, что велико, что мало, что прямо и правдиво.

Сверхчеловек против равенства и он выступает против проповедников равенства. Поскольку так говорит «справедливость»: люди не равны и они не должны быть равны, иначе теряется смысл и в сверхчеловеке.

Любопытно, что выступая против равенства, Ницше полагал, что таким образом он выступает против социал-демократии. Хотя идея равенства отстаивала именно буржуазия, а социал-демократия, по крайней мере ее марксистское крыло, отстаивала именно идею справедливости.

Сверхчеловек обязан быть злым в духе «ресентимента». («Самое злое нужно для блага сверхчеловека».) Он не должен быть проповедником для маленьких людей, как когда-то был Иисус, страдавший и несший грехи людей. Проповедь сверхчеловека для людей храбрых и рубит он не чернь, не мелких людей, а достойных врагов. Заратустра вещает:

Враги у вас должны быть только такие, которых бы вы ненавидели, а не такие, чтобы их презирать. Надо, чтобы вы гордились своим врагом, – так учил я уже однажды.

Для более достойного врага должны вы беречь себя, о друзья мои; поэтому должны вы проходить мимо многого, –

¹ В одном из русских переводов не решились оставить это слово, заменив его на «толпу». На самом деле в оригинале было использовано слово *das Gesindel*, т.е. именно сброд, подонки, отребье. Американцы не постеснялись употребить как раз адекватное этому слову свое – *rabber*.

– особенно мимо многочисленного отребья, кричащего вам в уши о народе и народах.

Почему же так? Потому, что

не всякое слово годится ко всякому рылу. Это тонкие, дальние вещи: копыта овец не должны топтать их!

То есть христиане, «овцы с баранами», никогда не поймут цели и страсти сверхчеловека уже в силу своего психологического рабства. Молящийся, набожный, опустившийся на колени и потерявший совесть, просит, просит у несуществующего бога себе блага. Молиться – это позор!

А вот предписание для «уставших от мира и ленивых». С ними-де еще не все потеряно. Но чтобы их всколыхнуть,

Их надо высечь розгами! Ударами розги надо вернуть вам резвые ноги.

Но если они и после этого не захотят «весело бежать», то они должны исчезнуть. А как же иначе? По-моему, справедливо.

Но самое главное: откуда такая смелость у сверхчеловека? Она от того, что он освободился от оков бога, от оков христианской религии. Он – безбожник! Заратустра:

Но теперь умер этот Бог! Вы, высшие люди, этот Бог был вашей величайшей опасностью.

Теперь он свободен от всех глупостей и лицемерий христианства. Но чтобы в дальнейшем он не совершил ошибок, Заратустра предупреждает:

Если вы хотите высоко подняться, пользуйтесь собственными ногами! Не позволяйте нести себя, не садитесь на чужие плечи и головы!

Но ты сел на коня? Ты быстро мчишься теперь вверх к своей цели? Ну что ж, мой друг! Но твоя хромяя нога также сидит на лошади вместе с тобою!

Когда ты будешь у цели своей, когда ты спрыгнешь с коня своего, – именно на высоте своей, о высший человек, – ты и споткнешься!

То есть никаких компромиссов, никаких чуть-чуть от чужих плеч. «Все половинчатое портит целое». Сверхчеловек – это цельность, это совсем не другой бог, как уверяют многие лжемудрецы. Видимо, ожидая подобные обвинения, Ницше в своем последнем произведении «Ессе homo» на всякий случай предваряет:

...во мне нет ничего общего с основателями религии – всякая религия есть дело черни, я вынужден мыть руки после каждого соприкосновения с религиозными людьми....

Цель Бога – превратить верующего человека в Ничто, тварь Божию; цель сверхчеловека превратить человека в Нечто, Думающего, Созидающего и Творящего. Чем не портрет личности коммунистического общества!

Но для начала надо разбить старые скрижали! И разве ни к этому призывает великий гимн – Интернационал:

Весь мир насилья мы разрушим.
До основанья, а затем.
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!

Уже не Ницше ли написал слова этого гимна?

Алекс Бэттлер

05.11.2017